

Сдав смену, Тянь Ци вышла из Запретного города, неся в руке большой лакированный ланч-бокс. Миновав пару переулков, она пошла вдоль искусственного ручейка. Этот канал был прорыт для подвода воды вокруг Запретного города, и если пройти вдоль него немного, можно было выйти на шумную Улицу Лунчан, полную торговых лавок.

Берега канала были засажены двумя аккуратными рядами раскидистых акаций. В это время года цветы акации как раз пышно распустились: кроны деревьев белели, словно покрытые инеем и снегом, а в воздухе разливался густой, пьянящий аромат.

Цветы акации — вещь прекрасная: они красивые, приятно пахнут, вкусные, к тому же растут повсюду на холмах и в полях, и за них не нужно платить. В голодные годы, когда старые запасы уже истощились, а новый урожай еще не созрел, цветы акации спасали жизни многим людям.

Тянь Ци была равнодушна к нарядам и украшениям, а увидев цветы, тут же захотела вплести их в волосы. Она сорвала длинную ветку, усыпанную цветами, свила из нее венок и надела на маголову. Если бы кто-то другой вздумал нацепить на себя подобное, это, пожалуй, выглядело бы странно, но у Тянь Ци было прекрасное лицо, и этот необычный головной убор пришелся ей к лицу: бледное личико в обрамлении душистых беленьких цветочков выглядело невероятно свежо и мило.

Правда, если вспомнить, что сейчас она выдавала себя за мужчину, то, несмотря на всю красоту, зрелище все же оставалось довольно странным. Немало мужчин с особыми склонностями то и дело бросали на Тянь Ци пламенные взгляды, но она ничего не замечала — ее голова была набита золотом, отчего чувства слегка притупились.

Она неторопливо шла по берегу — неся в руках тяжелую ношу весом в добрый десяток цзиней, двигаться быстрее было просто невозможно. Пройдя еще немного, она заметила у подножия акации фигуру человека. Тот стоял лицом к воде, заложив руки за спину, одетый в лунно-белые одежды, стройный, с черными, как тушь, волосами.

Тянь Ци показалось, что эта спина ей смутно знакома. Подойдя поближе, она взглянула и убедилась — это действительно был Цзи Чжэн. — Приветствую вас, князь. Любуетесь пейзажем? Какое утонченное у вас увлечение, — с улыбкой произнесла Тянь Ци.

Мысли Цзи Чжэна прервались. Он повернул голову и увидел того самого евнуха, с которым столкнулся вчера. Тот евнух уже не выглядел понурым и прибитым, как во время вчерашней выволочки, и теперь буквально светился от энергии. Цзи Чжэн невольно улыбнулся:

— Это ты? Вчерашний выговор от императора тебя не наказали?

— Нет, император — милосердный государь. Он не только не наказал меня, но еще и одарил хорошей вещью, — отвечая, Тянь Ци хлопнула по лакированной шкатулке.

Цзи Чжэн слегка опешил. Вчера император так свирепствовал, словно был готов тут же

приказать высечь человека до смерти палками. Почему же в итоге не только не тронул, но и наградил?

Впрочем, как бы странно это ни выглядело, исход вышел отличным. Князь подумал про себя: этот маленький евнух презабавный, было бы жаль, если бы его наказали.

Тянь Ци приоткрыла крышку шкатулки на щелочку, и Цзи Чжэн заметил сквозь нее золотистый блеск.

Неудивительно, что она так сияет — оказывается, ей пожаловали золото. Цзи Чжэн усмехнулся и сказал:

— Закрой-ка быстрее, разве не боишься, что кто-нибудь увидит?

Тянь Ци хихикнула и плотно закрыла шкатулку:

— Маленький слуга откланивается, князь, продолжайте.

— Не нужно, — ответил Цзи Чжэн. — Раз уж ты так переживаешь, что золото отнимут, я лучше провожу тебя.

— Огромную милость князя ваш покорный слуга даже не смеет принять.

— Пойдем.

Тянь Ци ничего не оставалось, как идти с ним рядом. По ее мнению, этот молодой князь оказался куда человечнее своего брата: он не чванился и общался так просто, что находиться рядом было легко и приятно. Два прекрасных юноши всю дорогу болтали и смеялись, привлекая всеобщее внимание прохожих. Журчание речной воды, легкий кружевной пух акаций — пусть этот пейзаж и не поражал воображение, но он был по-своему безмятежным и прекрасным. Главное же заключалось в том, что красота обоих юношей была настолько поразительной, что превосходила любые виды, а потому им не требовалось никакого фона. Стоило им появиться — не говоря уже о тени акаций, даже если бы они шагали посреди шумного торгового квартала, — у окружающих их людей создавалось ощущение, будто они только что сошли со страниц живописного свитка.

Пожалуй, именно с этого момента по городу начали расползаться слухи о пристрастии юного вана к мужчинам.

Однако в тот момент оба главных фигуранта этих сплетен не замечали ничего предосудительного. Цзи Чжэн послушно последовал за Тянь Ци, когда та зашла положить деньги на счет, а затем сопровождал ее в походах по лавкам, где она накупила немало всякой всячины.

Хотя Тянь Ци и обожала деньги, скупой она не была и на подарки для других тратилась с легкостью. Раз уж она разбогатела, то устроила грандиозный шопинг: купила наставнику несколько сортов отменного чая, Ван Мэну — письменные принадлежности, ведь этот парень сейчас всеми силами зубрил науки в надежде сдать экзамен в Императорскую медицинскую академию, Жуи — забавные безделушки, а главному евнуху Шэну — горшок для сверчков.

Главный евнух Шэн не увлекался боями сверчков, но страстно коллекционировал сосуды для них. Об этой его тайной страсти мало кто знал, поскольку Шэн Аньхуай по характеру вовсе не был заносчивым или властолюбивым человеком. Занимая столь высокий пост главного евнуха, он понимал: если все подряд начнут одаривать его подарками, принимать их окажется неудобно, но и отказываться — тоже. Тем более что те, кто водил дела с придворными чиновниками, прекрасно знали, что именно больше всего ненавидит Император.

Именно поэтому главный евнух так тщательно скрывал свое хобби — о нем ведали лишь несколько его учеников. Тянь Ци же узнала об этом благодаря Цзи Хэну. Однажды, угождая перед Императором, она в разговоре случайно коснулась темы сверчиных боев. Тогда Цзи Хэн обронил фразу: мол, кое-кому вовсе не интересны сами сверчки, зато по душе приходятся сосуды для них, и Шэн Аньхуай как раз из таких.

Тянь Ци запечатлела эти слова в памяти. Впрочем, она так и не поняла до конца, было ли то замечание Императора сказано вскользь или же являлось скрытым наставлением. Хотя ее господином был сам Император, ее непосредственным начальником оставался Шэн Аньхуай — если бы она не ублажила этого главного евнуха, ничего хорошего ее бы не ждало. К тому же ее приставили к императорским покоям по личному повелению монарха, и за последнее время она уже успела несколько раз отличиться перед государем. Постепенно намечалась тенденция к тому, что Император ценил ее все больше и больше. В глазах окружающих это выглядело невероятным успехом и блеском. Однако излишняя заметность неминуемо рождает зависть и ненависть, а потому перед лицом Шэн Аньхуай ей все еще следовало вести себя тише воды, ниже травы. При этом нельзя было исключать, что самого Шэн Аньхуай подобное положение дел слегка тревожило.

Как бы то ни было, необходимо сохранять скромность, держаться в тени и неизменно давать начальству понять, что ты — лишь его верный младший братец, а вовсе не претендент на его место.

Приняв это решение, Тянь Ци со скрипом в сердце раскошелилась на роскошный сосуд, отдав за него почти сто лямов серебра — сердце от такой траты буквально обливалось кровью.

Наблюдая за тем, с каким выражением душевной боли Тянь Ци извлекает серебряные билеты, Цзи Чжэн прикрыл рот рукой и тихонько рассмеялся. Указав на чашу из разноцветного фарфора с преобладанием красных и зеленых тонов, он спросил у лавочника: — Во сколько обойдется эта вещица? — Молодой господин, у вас поистине прекрасный глаз, этот стоит двести лянг, — владелец лавки, легонько приподняв маленький тазик, продемонстрировал его Цзи Чжэну. — Посмотрите, это же подлинная красно-зеленая полихромия из Цзиндэчжэня, старинная вещь из прошлой династии. Глазурь нанесена с внутренней стороны, взгляните на эти травы и цветы здесь, — продолжая поглаживать внутреннюю стенку, расписанную пучками травы и мелкими цветами, заговорил лавочник. — Если посадить сюда вашего сверчка, он

почувствует себя как дома, уж будьте уверены: наестся досыта, выпится на славу, станет несокрушимым и непобедимым!

Цзи Чжэн посмотрел на Тянь Ци:

— Если ты подаришь мне эту вещь, будет хорошо?

Тянь Ци:

— ...

Двести лянг, подумать только, двести лянг! Как у вас язык повернулся такое предложить!

Мысленно изрыгая проклятия, Тянь Ци медленно вытащила банкноту:

— Для вашего высочества большая честь — если эта вещица вам по душе.

Двести лянг...

Заметив, как лицо евнуха скомкалось наподобие паровой булочки, Цзи Чжэн по какой-то странной причине вдруг ужасно захотел ущипнуть его за щеку. Разумеется, в конце концов он сдержался. Маленькому вану вовсе не было жалко этих денег, и только что он пошутил, но, глядя на то, как удручена Тянь Ци, он из чистого озорства всё же забрал вещицу.

Он и сам не понимал, почему поступает столь жестоко с маленьким евнухом. Наверное, потому, что выражение его лица было уж слишком забавным?

Купив горшок для сверчков, Тянь Ци завершила свои закупки. Она уже собиралась раскланяться и уходить, как вдруг Цзи Чжэн произнес:

— Не спеши, я кое-куда тебя отведу.

Тянь Ци не поняла в чем дело, но всё же последовала за ним. Вещей у нее набралось слишком много, и Цзи Хэн взял часть ноши на себя. Сегодня он не взял с собой слуг, поэтому высокородный маленький ван лично взвалил на плечо большой медный манекен. Эту статую Тянь Ци купила для Ван Мэна, чтобы тот практиковался в иглах и изучении акупунктурных точек. В манекене были проделаны маленькие отверстия, которые перед использованием залепляли воском, а внутрь заливали воду — стоило попасть иглой точно в точку, как оттуда начинала сочиться вода.

Медная фигура была примерно ростом с саму Тянь Ци и оказалась самой тяжелой из всех покупок. Стоило Цзи Чжэну взвалить ее на плечо, как Тянь Ци сразу почувствовала себя намного легче.

Они дошли до конца улицы и увидели множество людей, выгуливавших птиц. Толпа бездельников, которым нечем было заняться, расставила клетки и соревновалась, чья птица поет звонче и слаще. Кое-кто из присутствующих знал Цзи Чжэна: обычно маленький ван производил на них впечатление человека холодного, надменного и чурающегося знакомств. И в этот момент они увидели, как этот благородный и не от мира сего маленький ван тащит на себе огромный, сияющий маслянисто-желтым блеском медный манекен. Неизвестно, нарочно ли или случайно, но его белая рука непристойным образом прикрывала пах статуи, отчего все присутствующие уставились на него так, словно увидели призрака.

Не обращая ни на кого внимания, Цзи Чжэн подошел к остолбеневшему молодому человеку:

— Достопочтенный братец Чжэн, мы так давно не виделись. Как поживаешь?

Тот отупело кивнул:

— Хорошо, хорошо.

Цзи Чжэн тут же представил его Тянь Ци:

— Это братец Чжэн Шаофэн, сын главного секретарца Чжэна. Братец Чжэн, а это Тянь Ци.

Тянь Ци, зажав в руках две кучи поклажи, приподняла руки и качнула ими вместо приветствия:

— Братец Чжэн, много слышала о вас, много слышала.

Чжэн Шаофэн ошеломленно ответил ей тем же:

— Много слышала, много слышала. — А потом подумал: какая к черту слышала, кто это вообще такой?

Сведя вместе двух сбитых с толку людей, Цзи Чжэн отвел их в чайную, чтобы поболтать со старым знакомым. Чжэн Шаофэн и Цзи Чжэн были знакомы с детства, их можно было назвать закадычными приятелями — из тех, кто с удовольствием улучшает любую возможность вставить друг другу нож в спину, но при этом заклятыми врагами они не являлись.

Вообще-то Чжэн Шаофэн был законченным транжирой. Его отец благодаря выслуге лет дослужился до поста главы канцелярии; выдающимися талантами он не обладал и слыл мастером сглаживания углов, умеющим искусно замазывать любые конфликты. У Чжэн Шаофэна имелось еще два старших брата, поэтому сам он жил беззаботно, предаваясь двум главным страстям: тисканью птичек и игре в подвесные карты.

Вполне предсказуемо, что в процессе беседы Чжэн Шаофэн сначала похвастался новой белой овсянкой, а затем у него зачесались руки сыграть в карты.

Чжэн Шаофэн кликнул из Барочного дома Цуйфан девицу, и они вчетвером сели за стол, образовав партию. Тянь Ци и Цзи Чжэн играли в паре против Чжэн Шаофэна и той девицы.

Выигрыш и проигрыш у играющих в паре был общим.

Правила игры в подвесные карты были просты, но требовали хорошей памяти и умения вести подсчет. Цзи Чжэн был уверен, что при умственных способностях Чжэн Шаофэна тот ни за что не сможет все рассчитать.

Поэтому они с Тянь Ци были обречены на победу.

Результат: Чжэн Шаофэн проиграл все имевшиеся при нем чуть больше пятисот лянг серебра, да впридачу лишился своей белой овсянки.

Денег Чжэн Шаофэн не жалел, но вот птицу было безумно жалко. В конце концов он намертво вцепился в клетку, отказываясь ее отдавать и пытаясь сбежать от долга.

Цзи Чжэн постукивал пальцами по столешнице, холодно улыбаясь — точь-в-точь как

безжалостный крупье в игорном доме, разбирающийся с буянящими игроками. Однако у него самого вовсе не было свирепого или зловещего вида, напротив, лицо излучало абсолютную честность, отчего это демоническое выражение смотрелось на нем крайне нелепо, и Тянь Ци невольно испытала неловкость.

Цзи Чжэн произнес:

— Уговор есть уговор, проиграл — плати.

Со слезами на глазах Чжэн Шаофэн отдал клетку с птицей Тянь Ци.

Тянь Ци стало немного жалко бедолагу:

— Может быть...

Глаза Чжэн Шаофэна мгновенно засияли, в них вновь вспыхнула надежда:

— Что?

— Может быть, вы просто переведете это в деньги?

И надо же такому случиться — такой симпатичный молодой господин, а ни капли сострадания!

После долгих уговоров стороны наконец пришли к согласию. Поскольку карманные деньги Чжэн Шаофэна на этот месяц закончились, выкупить овсянку у Тянь Ци он сможет только в следующем месяце, когда получит новое содержание. А пока Тянь Ци обязана должным образом заботиться о птахе, обращаясь с ней не иначе как с родным прашуром.

Соглашение было заключено устно, свидетель: Цзи Чжэн.

Увидев столько серебра, Тянь Ци снова повеселела и предложила Цзи Чжэну поделиться выигрышем. Тот указал на красно-зеленый горшок для сверчков и молвил:

— Ты сделала мне отличный подарок, так что я естественным образом должен отблагодарить тебя ответным даром. Делить деньги не нужно, забирай всё себе.

Тянь Ци смущенно поскребла в затылке и глуповато улыбнулась:

— Большое спасибо, ваша светлость. Вы ведь не специально обыграли молодого господина Чжэна, чтобы компенсировать мои траты?

— Мне просто было скучно.

Тянь Ци подумала и решила, что он прав: вану ни к чему проявлять такую заботу о маленьком евнухе, он и впрямь слишком маялся от безделья.

И тогда Тянь Ци, радостно звеня монетами и волоча поклажу, вернулась во дворец. По пути Цзи Чжэн проявил крайнюю заботу и помог ей занести медный манекен прямо в Тринадцатый отдел, чем всю дорогу до беспамятства поражал встречных. Расставаясь, Цзи Чжэн смотрел на Тянь Ци: та сияла от радости, её личико распустилось, словно лепесток цветка — белое, с румянцем, одно название что загляденье.

Он подумал про себя, что в следующий раз обязательно ущипнёт её за щеку.

Вернувшись в Императорский дворец, Тянь Ци поужинав со своим наставником Дин Чжи, отдала ему те несколько пакетиков чая. Дин Чжи понюхал их через бумагу и так возбуждённо замер, что ему захотелось прижать Тянь Ци к груди и как следует потрепать. Под его жадным взглядом Тянь Ци молча распрощалась с ним.

Вернувшись во Дворец Цяньцин, она была не при исполнении, незачем было лезть на глаза Императору, поэтому она лишь нашла удобный момент, чтобы передать горшок для сверчков Шэн Аньхуаю. Шэн Аньхуай для вида поотнекивался, но всё же взял, сказав пару туманных фраз, на которые Тянь Ци во всём согласилась.

В этот момент из кабинета вышел Евнух и передал слова о том, что Его Высочество ищет Тянь Ци.

Оказалось, что сегодня Цзи Хэн оставил Жуи поужинать вместе с ним во Дворце Цяньцин. Отец и сын поужинали, после чего у них выдалась минутка родительской нежности, после чего Жуи захотелось поиграть с Тянь Ци.

Цзи Хэну ничего не оставалось, как позвать Тянь Ци в кабинет. Он действительно никак не мог взять в толк, какими же такими способностями обладает эта Тянь Ци, раз сумела так охмурить его сына, который перед этим сорванцом вёл себя донельзя послушно и примерно.

Как только Тянь Ци услышала, что Жуи во Дворце Цяньцин, она прихватила с собой вещицы, привезённые для него снаружи — в общем-то, всякую детскую мелочь: мантии-маски, плетёных из бамбуковых нитей кузнечиков, вырезанных из древесных корней зверушек и ещё несколько глиняных фигурок. Жуи сразу же всё это полюбил, принялся играть с Тянь Ци, играл всё веселее и веселее, а в разгар игры вообще забыл про Цзи Хэна.

Цзи Хэн: «.....»

Будучи Императором, он уже давненько не испытывал ощущения, что его кто-то игнорирует.

Цзи Хэн кашлянул, пытаясь привлечь к себе внимание обоих, но те были слишком увлечены игрой...

Тянь Ци думала, что её позвали исключительно для того, чтобы развлекать Жуи, а за Императором и без неё есть кому прислуживать, поэтому она совсем не обращала внимания на Его Величество. И когда на неё упал недовольный взгляд Императора, она ни капельки этого не заметила.

Цзи Хэну пришлось самому подняться с места, подойти к ним и посмотреть, во что же они такое играют.

На столе стояли три глиняные фигурки: одна — Тянь Ци, вторая — Жуи, а третья — большая черепаха. Все они были слеплены пропорционально: Тянь Ци больше Жуи, а черепаха больше их обоих. В этот момент Жуи как раз тыкал пальцем в глиняные фигурки и рассказывал Тянь Ци какую-то историю; мышление у ребёнка ещё не до конца сформировалось, поэтому рассказ получался сбивчатым и бестолковым.

Но Тянь Ци слушала с предельным сосредоточением.

— Ты что, понимаешь? — удивился Цзи Хэн.

— Конечно нет, — ответила Тянь Ци, и только договорив, сообразила, что говорит с

Императором, а тон её прозвучал не слишком-то почтительно.

Цзи Хэн взмахом руки избавил Тянь Ци от повинности вымаливать прощение и спросил:

— Почему фигурок всего три?

Тянь Ци растерянно моргнула:

— Что Его Величество имеет в виду? Сколько их должно быть?

Цзи Хэн чуть было не выпалил: хотя бы меня туда добавьте. Осознав, сколь детскими оказались его мысли, он помрачнел лицом и бросил с упрёком:

— Ступай с Жуи поиграть на улице, не устраивай здесь балаган. Тянь Ци не понимала, почему Император снова был не в духе. Этот монарх, должно быть, испытывал слишком сильное дневное напряжение на работе, а потому вечно отличался переменчивым нравом: стоило сказать всего пару слов, как он тут же менялся в лице, так что догадаться, что у него на уме, было решительно невозможно.

Будь он простым смертным, а не Императором, она бы ни за что не стала с ним возиться. Мало того что не стала бы возиться — пожалуй, еще и огрела бы подошвой по макушке. Мысленно представив, как Цзи Хэн спасается бегством и закрывает голову руками от ударов, Тянь Ци неблагоразумно хихикнула и невольно издала смешок.

Цзи Хэн: «.....» Почему у него возникло столь дурное предчувствие?

Тянь Ци торопливо прикрыла рот рукой и вместе с Жуи скрылась. Жуи привел Тянь Ци в главный зал Дворца Цяньцин, и поначалу она не понимала, в чем дело, пока не заметила в тени у подножия тронного места Дай Саньшаня.

Кто-нибудь может объяснить, что здесь вообще происходит?

Тянь Ци обернулась и увидела среди пришедших вслед за Жуи кормилицу и двух маленьких евнухов, остальные же ждали распоряжений снаружи. Эти трое остановились на некотором расстоянии, не смея приближаться.

Тянь Ци удивилась:

— Если вы так прислуживаете наследнику, разве не боитесь гнева Императора?

Кормилица скорбно произнесла:

— Евнух Тянь, вы многого не знаете. Мы не смеем подходить к божественной черепахе слишком близко, боимся, что она разозлится и укусит.

— Она еще и кусается?

Все трое скорбно кивнули, явно испытав это на собственном опыте. В нескольких словах кормилица объяснила, что произошло сегодня. Оказывается, сегодня эта божественная черепаха сама выбралась из озера и неспешно доковыляла до Дворца Цяньцин. На этот раз Император не стал ее прогонять, а лишь приказал за ней приглядывать.

Всем показалось это забавным, к тому же вчера они видели, как Тянь Ци и Жуи катаются на черепахе, поэтому решили, что у нее вполне мирный нрав, и полезли гладить панцирь. В итоге божественная черепаха рассвирепела и тяпнула нескольких человек.

— Правда, к нашему наследнику эта божественная черепаха относится очень хорошо и даже позволяет ему гладить себя по голове.

В сердце Тянь Ци зарождалось странное, щекочущее чувство гордости — словно Дай Саньшань был ее и Жуи ручным питомцем, которого никому другому трогать не дозволено. Поэтому она посадила Жуи на панцирь и махнула рукой тем трем:

— Раз так, можете отойти еще дальше, за наследником присмотрю я.

Те торопливо попятились еще на несколько шагов, с опаской поглядывая на парочку со зверем.

Тянь Ци все еще боялась, что Дай Саньшань вдруг проявит дикий нрав и начнет всех кусать, а потому не разрешала Жуи слезать. Жуи сидел на черепашьем панцире и наблюдал, как она дразнит Дай Саньшаня.

Дай Саньшань сначала втянул голову в панцирь, но стоило Тянь Ци пару раз постучать по его краю, как она снова высунулась. Стоило Тянь Ци погладить его по макушке, как он тут же поспешно прятался обратно.

Так повторялось снова и снова, и было совершенно непонятно, кто из них — человек или черепаха — кого на самом деле забавляет.

Жуи заливался громким смехом.

Услышав смех сына, Цзи Хэн страшно заинтересовался и, в конце концов не выдержав, отложил книгу и вышел из кабинета.

Главный зал Дворца Цяньцин был огромным. Тянь Ци и Жуи переговаривались полупшепотом, продолжая хихикать, и Цзи Хэн не мог разобрать слов. Тогда он подошел ближе и остановился возле тронного места, прислушиваясь к их разговорчикам.

Разобрав, о чем они толкуют, Цзи Хэн почернел лицом до предела.

Тянь Ци:

— Черепашья голова высунулась! Жуи:

— Голова черепахи высунулась! Ха-ха-ха!

Тянь Ци:

— Голова черепахи спряталась!

Жуи:

— Голова черепахи спряталась! Ха-ха-ха!

Цзи Хэн:

— ...

Эти двое, словно круглые дуралей, без устали повторяли одни и те же слова, а черепаха тоже превратилась в круглого дураля и неукротимо подыгрывала им: вытянет голову, втянет голову, вытянет голову, втянет голову.

— Замолчите! — рявкнул Цзи Хэн.

Оба, погруженные в веселье, испуганно замерли, подняли головы и во все глаза, полные недоумения, уставились на Цзи Хэн. Когда же они разглядели, кто перед ними, и заметили гнев на его лице, на обоих лицах проступила легкая обида.

Черепаха тоже испугалась, втянула голову в панцирь и больше не показывалась.

Тянь Ци подумала про себя: «Вы же сами велели мне вывести наследного принца погулять, мы так хорошо играли, какого черта вы тут вмешиваетесь и все портите!» Выразить вслух хоть какое-то недовольство она не смела, а лишь произнесла:

— Прошу императора гневаться меньше. Я глупа и не понимаю, в чем на этот раз провинилась, пусть император укажет мне на ошибку.

Все вокруг твердили, что служить монарху — все равно что находиться рядом с тигром, но по ее мнению, служить монарху — это все равно что находиться рядом с безумцем!

Жуи тоже озадаченно посмотрел на Цзи Хэн с выражением полного несогласия на лице: мол, император-отец, как ты мог так поступить?

Вдобавок к гневу Цзи Хэн почувствовал некую беспомощность:

— Запрещаю произносить эти два слова.

Тянь Ци опешила еще больше:

— Какие два слова?

— ... — сжав зубы, произнес Цзи Хэн: — Голова оплота. — Сказав это, он отвернулся, а на его щеках проступил едва заметный румянец.

Тянь Ци попыталась оправдаться:

— Я не говорила про голову оплота, я сказала — черепа...

Цзи Хэн зажал ей рот рукой.

Тянь Ци вжало в стену, предплечье Цзи Хэн легло поперек ее ключиц, притиснув плечо и лишив ее возможности двигаться. Она вытаращила глаза и жалобно посмотрела на Цзи Хэн.

Что здесь вообще происходит-то?!

Тело под его рукой было мягким и хрупким, казалось, стоило ему чуть сильнее надавить, и оно рассыплется. Цзи Хэн немного ослабил хватку, чувствуя себя неуютно под ее взглядом, в котором блестели слезы. Еще сильнее его смущало то, что его ладонь прижималась к ее губам, и спелые, мягкие губы скользили по его ладони — это было немного щекотно, хотя, пожалуй, не только щекотно.

Цзи Хэн разозлился еще сильнее, жар на его лице усилился, он наклонился ближе и прищурившись, с опасным видом посмотрел на Тянь Ци:

— Ты вообще понимаешь, что означает это слово?

Тянь Ци яростно покачала головой.

Цзи Хэн даже растерялся. Он отнял руку и предупредил:

— Короче говоря, впредь чтобы не смела этого произносить.

Тянь Ци послушно кивнула:

— Слушаюсь.

Надо же, в этой жизни ему довелось отдавать и такие приказы. Вот уж жизнь так жизнь.

Тянь Ци все же обуревало жгучее любопытство:

— Так... император, что же все-таки значат эти два слова?

Цзи Хэн сурово вытаращил глаза:

— И спрашивать тоже запрещаю.

— Слушаюсь, слушаюсь...

Цзи Хэн приказал отправить Жуи обратно во Дворец Цынин, а Дай Саньшаня велел отнести и бросить в озеро Тайе. После этого он достал платок и изо всех сил принялся тереть ладонь.

На ладони, казалось, все еще оставалось ощущение от недавнего прикосновения — странное и четкое, от которого никак не получалось избавиться.

Заметив это движение Цзи Хэн, Тянь Ци решила, что его августейшее величество выражает брезгливость к какому-то евнуху, поэтому благоразумно решила не мозолить императору глаза и поспешила удалиться.

Тем временем Жуи вернулся во Дворец Цынин, показал вдовствующей императрице глиняную фигурку и принялся рассказывать, какой Тянь Ци замечательный и как сильно он к нему

привязался.

Цель Жуи была проста. Император-отец не любит Тянь Ци и даже бьет его, но если бабушка тоже полюбит Тянь Ци, то тому больше не придется терпеть лишения.

Вдовствующая императрица знала Тянь Ци: лицом пригож, языком сладок. Ее маленький внук редко кого-то хвалил при ней, а раз уж нашелся тот, кто сумел ему угодить, его непременно следовало щедро наградить. Подумав об этом, она велела позвать Тянь Ци, отвесила пару похвал, дала напутствия, а в конце приказала пожаловать ему серебряный слиток.

Тянь Ци, бережно прижимая к груди серебро, с сияющей улыбкой вернулась во Дворец Цяньцин, и неприятный осадок, оставленный Цзи Хэн, тут же рассеялся.

Однако у Дворца Цяньцин она обнаружила, что император стоит у парадного входа и смотрит в небо — то ли звезды разглядывает, то ли любуется луной.

Тянь Ци пришлось набраться смелости, подойти, отдать Цзи Хэн положенный поклон и попытаться ускользнуть.

Но Цзи Хэн окликнул ее.

Тянь Ци заволновалась, решив, что император еще не до конца выпустил пар. Самым худшим было то, что от начала и до конца она понятия не имела, в чем провинилась, а значит, и не представляла, как загладить вину перед императором.

К ее удивлению, голос Цзи Хэн звучал очень мягко:

— Тебе так нравится бывать за пределами дворца?

Еще бы! Как там здорово! — мысленно завизжала Тянь Ци, а снаружи приняла глубокомысленный вид и ответила:

— Мои предпочтения полностью зависят от воли господина. Раз господин позволяет мне выходить из дворца, мне, естественно, это нравится.

Цзи Хэн фыркнул. Опять умница из нее прет? А только что была сообразительнее черепахи!

Впрочем, раз Тянь Ци понятия не имела, что это за мерзость такая, Цзи Хэн уже нашел этому вполне разумное объяснение. Для евнуха, оскотиненного в одиннадцать лет, быть абсолютно слепым в подобных делах — ну до того естественно.

При этой мысли он даже почувствовал безграничную жалость к этому маленькому извращенцу.

— Раз тебе нравится вывать за пределами дворца, я назначу тебя инспектором народных нравов, идет? — произнес Цзи Хэн.

Тянь Ци от радости засияла глазами:

— Благодарю императора!

Ее взгляд был чересчур пылким, Цзи Хэн отвел глаза в сторону, а уголки его губ чуть приподнялись:

— Деревенщина!

С той поры Тянь Ци вывела для себя одно правило. Хотя император и сумасшедший, после каждого приступа он неизменно оставляет ей какую-нибудь поблажку, так что, если посмотреть под таким углом, его вполне можно назвать милосердным правителем.

Инспектор народных нравов, как и следует из названия, — это тот, кто отправляется в народ собирать предания и нравы, а затем доносит их до слуха самого императора. Подобная должность не относилась к числу официальных чиновников при дворе, ее учредил еще покойный император, а занимали ее евнухи, что позволяло напрямую связывать простой народ с императором, минуя придворную суету.

А уж что именно удавалось выведать этим инспекторам — тут все зависело от конкретного человека.

Цзи Хэн хоть и был недоволен многочисленными политическими решениями своего отца, тем не менее сохранил должность инспектора народных нравов. Хотя этот пост не приносил особого жалованья, он имел важнейшее значение. Он позволял открыто и законно шептать императору на ухо и при этом не подчинялся надзору Палаты цензоров, поэтому влияние инспектора народных нравов было трудно переоценить.

По этой причине отбор на должность инспектора проводился крайне строго: кандидат должен был быть одновременно смысленным и честным, преданным, не заводить интрижек с придворными чиновниками, а также пройти личное собеседование с императором. Подобно Тянь Ци, которая прокрутилась у императорского трона меньше двух месяцев и умудрилась получить этот пост, — подобные случаи были невероятной редкостью.

Впрочем, Тянь Ци считала, что многие переоценивают возможности инспектора народных нравов. Не стоило думать, что евнуху так уж легко очернить кого-то перед императором: здесь существовало одно важнейшее условие — император должен тебе доверять. Учитывая, что правитель едва не лишился престола по вине евнухов, Тянь Ци полагала, что он вряд ли станет доверять кому бы то ни было из них. Именно поэтому император со спокойной душой и сохранил должность инспектора народных нравов: твоё дело — сказать, а уж верить или нет и в какой мере — он решает сам.

Как бы то ни было, быть инспектором народных нравов было невероятно престижно, да к тому же позволяло гулять за пределами императорского дворца, что само по себе являлось величайшим благом.

В тот день, отправляясь из дворца, она захватила с собой ту самую белую белоглазку, принадлежавшую Чжэн Шаофэну. Хотя срок выдачи карманных денег Чжэн Шаофэну еще не подошел, она, будучи добросердечным кредитором, решила позволить их дедушке с внуком воссоединиться пораньше — ведь эта белоглазка приходилась дедушкой самому Чжэн Шаофэну.

Столица хоть и велика, но в то же время тесна. Чжэн Шаофэн был младшим сыном главы Кабинета министров, и любой, кто крутился в кругах знати, в общем и целом знал его, так что навести справки оказалось несложно. Тянь Ци совершила круг по излюбленным местам любителей птиц и выяснила, что Чжэн Шаофэну довелось распивать спиртное в ресторане

«Восемь бессмертных».

Да какое там распивать — он уже почти с кем-то дрался!

Причина спора оказалась довольно запутанной. Короче говоря, из-за какой-то неприятной перепалки дело дошло до рукоприкладства, но в конце концов один из присутствующих вышел вперед и предложил мирное разрешение конфликта: сыграть в карты!

Ставкой служили вовсе не деньги, да у Чжэн Шаофэна и не водилось за душой особого богатства. Стороны договорились, что проигравший должен будет принести противнику извинения, а заодно пробежать два круга голышом по улице Лунчан.

Когда Тянь Ци появилась в ресторане «Восемь бессмертных», Чжэн Шаофэн как раз терзался из-за того, что не мог найти подходящего напарника. Заметив Тянь Ци и своего маленького предка — белоглазку, он живо вспомнил то жалкое состояние, когда несколько дней назад проиграл в пух и прах, и мгновенно воспрял духом:

— Тянь Ци, иди сюда!

Тянь Ци подошла, выслушала объяснения Чжэн Шаофэна и нахмурилась:

— В подкидного сыграть можно, но вне зависимости от исхода игры голышом я бегать не буду.

Окружающие презрительно фыркнули:

— Да с твоей фигурой сушеной воблы на тебя голого даже смотреть никто не станет.

Тянь Ци не стала обращать на них внимания и уселась за карточный стол.

Чжэн Шаофэн обладал богатым опытом, и все его беды проистекали лишь из того, что умишком он вышел не слишком крепким, поэтому играть с ним в паре Тянь Ци было далеко не так легко и приятно, как с Цзи Хэном. В игре с Цзи Хэном они демонстрировали удивительное взаимопонимание: хватало всего нескольких кругов, чтобы примерно угадать карты на руках у партнера, и по одному лишь взгляду становилось ясно, какого хода от тебя ждут. Разве могла такая игра не приносить удовольствия?

Однако скорость работы мозга Чжэн Шаофэна явно находилась совсем в иной весовой категории, чем у Тянь Ци. Мало того, что он не умел играть слаженно, так еще время от времени тянул назад. Тянь Ци оставалось лишь вести бой в одиночку, сражаясь с тремя противниками. К счастью, те двое умом тоже не блистали, так что победа далась ей без особого труда.

После нескольких конов Тянь Ци и Чжэн Шаофэну удалось одержать верх с небольшим преимуществом.

Чжэн Шаофэн от восторга пустился в пляс — не то чтобы он никогда не выигрывал в карты, но еще ни разу победа не была столь упоительной. С улыбкой приняв полные унижения извинения от проигравших, Чжэн Шаофэн напомнил им, что послезавтра, в день отдыха, когда на улице Лунчан будет наибольшее скопление народа, им предстоит совершить свой побег голышом, а он должен заранее устроить рекламу и подогреть интерес толпы.

Несолоно хлебавши, те двое с поникшими лицами удалились.

Тянь Ци решила немного подпортить им жизнь: опасаясь, что они откажутся от своих слов, она крикнул им вслед:

— Уговор дороже денег, сразу видно настоящих мужей!

Чжэн Шаофэн тут же подхватил, с улыбкой хлопая Тянь Ци по плечу, но она стряхнула его руку.

В этот момент за карточный стол опустился еще один человек и сделал Тянь Ци приглашающий жест:

— Нижайше прошу позволить мне оценить карточное мастерство этого юного брата.

Взглянув на него, Тянь Ци заметила густые брови, ясный взгляд, орлиный нос и тонкие губы — с первого же взгляда было очевидно, что человек этот непростой. Она уселась на место и поинтересовалась:

— Прошу прощения, как ваше благородное имя?

Тот опешил:

— Ты меня не знаешь?

Тянь Ци удивилась в ответ:

— А разве ты меня знаешь?

Загнанный в турецкий угол, он перевел взгляд на Чжэн Шаофэна.

Чжэн Шаофэн поспешил пояснить:

— Кхм, позвольте мне представить: это старший сын министра ритуалов господина Суня, Сунь Фань, а это — Тянь Ци, ну... этот, — Чжэн Шаофэн выразительно подмигнул, — друг ван Нина.

Выражение лица Чжэн Шаофэна было донельзя пошлым и комичным, так что Сунь Фань мгновенно раскусил намек, и во взгляде, брошенном на Тянь Ци, промелькнула капля презрения.

Тянь Ци сложила руки в приветствии перед Сунь Фанем:

— Молодой господин Сунь, я на деньги не играю.

Сунь Фань извлек из рукава слиток золота и швырнул его на стол.

Тянь Ци поднялась, собираясь уйти.

Тот выложил второй слиток:

— Здесь много чего найдется, всё выигранное отойдет тебе.

Лицо Тянь Ци отемнело, она приподняла брови и произнесла:

— Хочешь играть — сначала найди себе напарника столь же бестолкового, как Чжэн Шаофэн.

Чжэн Шаофэн: «.....»

Сунь Фань не преминул вытащить из толпы зевак подходящего человека. Поскольку он отличался чрезмерной самонадеянностью, выбранный им помощник оказался еще глупее Чжэн Шаофэна.

Тянь Ци с размаху хлопнула ладонью по столу, ее взгляд стал хищным и свирепым:

— Раз уж тебе приспичило играть, я сыграю с тобой всласть. Уговор прежний: не проиграешься до нитки — с места не сдвинешься.

Чжэн Шаофэн схватился за сердце и отшатнулся назад, думая про себя: неужто этот смазливый парень сегодня объелся белены?

Сунь Фань тоже загорелся азартом и решительно принял вызов.

Наблюдавшая за битвой публика наперебой судачила, что эта схватка выглядит поистине шизофренически: за безупречным ходом неизменно следовал идиотский, за ним — еще более идиотский, а следом вновь наносился сокрушительный удар... Либо ты играешь безупречно до самого конца, либо лажаешь по-черному, но вот это чередование гениальности и полной бестолковости будоражило воображение донельзя.

Когда в поединке сходятся два равных по силе мастера, исход решают их тупицы-напарники. Вот тут-то и проявилась вся ценность присутствия Чжэн Шаофэна: пускай он тоже был напарником-тупицей, но всё же превосходил другого болвана.

Количество денег у Сунь Фаня неуклонно сокращалось, пока наконец, полностью лишившись

средств, он обессиленно откинулся на спинку стула, раскинул руки и честно признал поражение:

— Я проиграл.

— Ты еще не до конца разорен, — напомнила Тянь Ци.

Сунь Фань горько усмехнулся:

— Клянусь, карманы пусты.

— На тебе еще одежда.

-.....

Сунь Фань понял: этот мальчишка просто-напросто жаждет выставить его наружу голышом. С легкой, фривольной улыбкой он уставился на Тянь Ци:

— Разве ты не хочешь посмотреть, как я раздеваюсь? К чему такие сложности. Скажи раздеться — и я с радостью обнажусь.

— Так раздевайся же, выметаивайся отсюда голышом.

-.....

Сунь Фань никак не ожидал, что попытка поддразнить паренька обернется против него самого. Холодно поднявшись на ноги, он процедил:

— Прощайте.

Тянь Ци пробормотала себе под нос:

— И после этого зовет себя мужчиной? Не умеешь проигрывать — не садись за стол.

— Ах ты...!

— Что я? Разве я неправду сказал? — Тянь Ци насмешливо приподняла брови. — Коль есть хоть капля мужества в штанах, сыграй со мной еще раз. Один на один, судьба партии решается в один кон. Выиграешь — забереешь золото обратно; проиграешь — убереешься отсюда голышом. Смелости хватит?

Сунь Фань вновь опустил на стул:

— Играем! — раз уж никто не тянет ко дну, шансов на победу у него прибавилось.

Поскольку игра велась один на один, ради усложнения задачи и чтобы карты не угадывались слишком легко, они использовали две колоды, но брали из них лишь половину. В таких условиях исход по меньшей мере наполовину зависел от простой удачи.

Удача Тянь Ци в этот день была поистине превосходной, так что победа снова осталась за ней.

На глазах у изумленной публики Сунь Фань разделся до одних исподних панталон, багровый от гнева, и яростно зыркнул на Тянь Ци:

— Жди меня!

— И не подумаю, — ответила Тянь Ци.

-..... — Сунь Фань испустил яростный рев и кубарем скатился вниз по лестнице.

Чжэн Шаофэн лишь задним числом предался тревожным мыслям:

— Отец-то у него — сановник из Кабинета министров, неужто ты не боишься навлечь на себя его гнев?

— Чего мне бояться? Даже если это его отец, при виде моего господина все равно падает на колени.

Прикинув всё, Чжэн Шаофэн понял, что таков и есть: ван Нин — особа императорской крови, родной брат самого императора. Каковы бы ни были трения между братьями, посторонние люди ни за что не осмелились бы относиться к ван Нину без должного почтения.

И стоило ему подумать о ван Нине, как тот собственной персоной появился на пороге.

На самом деле Цзи Хэн прибыл уже давно, но поскольку схватка в тот момент была в самом разгаре, он просто укрылся в толпе зевак, так что ни Тянь Ци, ни Чжэн Шаофэн его не заметили. Увидев, что зрители разошлись, он шагнул вперед и с улыбкой посмотрел на Тянь Ци:

— Ты так ненавидишь Сунь Фаня?

Тянь Ци с легкостью призналась, раз уж ее мысли раскрыли:

— Сама не пойму почему, но стоит мне его увидеть, как руки чешутся съездить ему по морде.

Цзи Хэн поспешил утешить ее:

— У тебя еще представится возможность.

Чжэн Шаофэн счел мысли этой парочки чересчур будоражащими, а потому поспешил сменить тему и позвал Тянь Ци делить выигрыш. Тянь Ци сгребла все деньги по карманам и вернула белоглазку Чжэн Шаофэну.

Обе стороны остались чрезвычайно довольны.

В этот момент канцлер Чжэн прислал людей на поиски Чжэн Шаофэна: до него дошли слухи, что сын бесчинствует в ресторане «Восемь бессмертных», и он требовал немедленного возвращения отпрыска.

С кислым выражением лица Чжэн Шаофэна уволокли прочь, а оставшиеся Тянь Ци и Цзи Хэн велели подать новый стол с угощениями.

Выиграв кругленькую сумму, Тянь Ци проявила редкую щедрость:

— Ешьте, ешьте, этот обед за мой счет.

Цзи Хэн скромничать не стал и заказал фирменные блюда этого заведения. Он собственноручно разложил по пиалам рыбный суп для Тянь Ци и для себя, и они принялись трапезничать, попутно беседуя.

Тянь Ци вспомнила о терзавших ее недавно сомнениях и бросила взгляд на сидящего напротив человека. Маленький ван обладал широким кругозором, безупречной репутацией и точно не стал бы доносить императору — какой же прекрасный собеседник для получения консультации.

И тогда Тянь Ци произнесла:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Слушаю.

— Ты знаешь, что такое «головка черепахи»?

Цзи Хэн от неожиданности выплеснул рыбный суп прямо на стол.

Тянь Ци торопливо позвала Сяо Эра, чтобы тот вытер стол и сменил им посуду, чувствуя себя немного неловко:

— Ничего страшного, если не знаешь, в этом нет ничего особенного.

Как можно было не знать...

Лицо Цзи Хэна слегка покраснело, он немного подумал и спросил:

— С чего это ты вдруг заинтересовалась подобным?

Тогда Тянь Ци в подробностях пересказала историю о недавней вспышке гнева у императора.

Выслушав ее, Цзи Хэн покраснел еще сильнее. Про себя он подумал, что даже если бы он сам не стал ничего объяснять Тянь Ци, та наверняка расспросила бы кого-нибудь еще.

И Цзи Хэн с запинками принялся растолковывать Тянь Ци суть дела.

Тянь Ци тоже залилась краской.

Будучи девушкой, она попала во дворец евнухом в одиннадцать лет, и никто не занимался ее просвещением в вопросах физиологии. В разговорах между евнухами подобные темы тоже не затрагивались.

Что же делать, какой позор! Да еще и болтала об этом перед самым императором! И расспрашивала всех подряд!

Сгорая от стыда и гнева, Тянь Ци опустила голову, хранила молчание и нервно теребила пальцы. Видя ее состояние, Цзи Хэн почувствовал одновременно легкую жалость, умиление и еще какую-то смутную, не поддающуюся определению эмоцию.

Кусок в горло обоим больше не лез, а оставаться дольше за столом было неловко, так что Цзи Хэн увел Тянь Ци за собой.

Всю дорогу они шли с пылающими лицами, напоминая пару движущихся спелых томатов — любому прохожему стоило лишь бросить на них взгляд, чтобы безошибочно заключить: эти двое определенно сотворили нечто непотребное.

В таком виде Тянь Ци и вернулась во дворец. Едва она переступила порог, как дежуривший у ворот Дворца Цяньцин младший евнух сообщил, что ее наставник разыскивал ее уже несколько раз и велел передать, что у него есть крайне важное дело.

<http://bllate.org/book/22267/2330914>